

что «к вербному воскресенью строил с братом три вербы». Не был ли это один из сыновей Струнина: Егор или его брат Степан? Но в таком случае, говоря о брате, автор тем более должен был назвать отца, между тем, упоминая несколько раз о своих работах с Алексеем Струниным, он ни разу не говорит о родстве с ним.

Просматривая внимательно текст летописи, мы в конце его находим небольшую замечку: «В то же лето, ноября в 20 день, преосвященный архиепископ отпустил в Клопов монастырь отца Василия Погорельского, а тестя его Афанасий Резвухин того дни в ночи замерз на дороге» (стр. 124—125). Следует ли из этого заключить, что Василий Погорельский, названный здесь «отцем», и есть отец писателя, и, следовательно, автором летописи был не кто иной, как Иван Васильев сын Погорельский?

Обратим внимание на те места в летописи, в которых имеется наиболее обстоятельное описание иконописных работ, что дает основание предполагать участие в них автора. Отметим, например, такое описание: «В то же [1697] лето преосвященный архиепископ изволил строить судно, переводом и примером, каковы строятся на Азове, именуемое баркалон; и на другой день Иванова дня нарисовал ему герб, каков писать на корме, на вольной стороне, с примера патриарша клейнота. И после Петрова дня начали столяры работать, а украшения приказал и живописное, что надлежит, как на вольной стороне, так и внутри писать оному же своего архиерейского дома сыну боярскому Ивану Васильеву сыну Погорельскому... и за оное украшение жалован был милостивыми словами и от трапезы его архиерейскими подачами от пищи, а на погребе питьем» (стр. 112—113). Здесь автор дважды сбивается — начинает говорить от первого лица, что он нарисовал эскиз герба для баркалона, затем сообщает о том, что работа по росписи баркалона была поручена «оному же» Ивану Погорельскому, а далее сообщает, что он, автор, был пожалован за эту работу. В самом деле, если бы это было не одно лицо, то вряд ли автор стал бы сообщать о постороннем человеке такую несущественную деталь, как архиерейскую подачу «от пищи и питье на погреб». Дальше автор сообщает текст надписи «клейнота» в подробностях, как если бы он сам писал его: «Под гербом в клейноте подписано речьми и литерами латинскими прописными тако: „Преосвященный Афанасий божиею милосью архиепископ холмогорский и важеский, первый есть трона сего“». В летописи помещен и рисунок «клейнота».

Далее следует еще более подробное описание милостей, оказанных Афанасием за эту работу, которая пришлась ему по вкусу, причем автор снова сбивается, говоря то от своего лица, то об Иване Погорельском: «Преосвященный архиепископ приказал быть и казначею Авксентию сказать и в казенном приказе велел записать, что в его архиерейском приходе с Холмогор к городу с ним, преосвященным епископом, быть на новопостроенном судне баркалоне и у города жить, вместо сушиленного, сыну боярскому Ивану Погорельскому и к тому отпуску велел всякую посуду и завод, что надлежит про его архиерейский дом, и харчевые всякие припасы принять и, приняв, во оном приказе расписаться» (стр. 113). На следующей странице сообщается, что 3-го сентября 1700 г. «указал архиепископ строить кушанье к почесному столу и к тому кушанью роспись ключнику и сушиленному Ивану Погорельскому». При этом к летописи отдельным листком приложен список с 30 блюдами к этому обеду.

Таким образом, литературный такт писателя, считающегося с традициями летописания как стороннего повествования, не позволял ему вести рассказ полностью от своего лица, но отмеченные нами случаи сообщения